

Я прочел роман Дэвида Митчелла «Тысяча осеней Якоба де Зута» в 2011 году. И тогда мне казалось, что это самая лучшая книга из всех, что я когда-либо читал.

Майкл Фассбендер

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.

Дэвид Митчелл

Митчелл аккуратно, практически невидимо для читателя крутит в руках экшн-мелодраму — почти как кубик Рубика, — пока все цвета внезапно не встают на места, обнажая не что иное, как анатомию героизма. Смотрите — вот его неблагодарность. А тут непредсказуемость. Вот его огромность, которой хватит на всех и должно хватить на всех, потому что одному человеку его не вынести. Здесь — его неправдоподобность и повседневность. Вот его уродство. А вот — никого не побеждающая, абсолютно по-японски прекрасная в своей мимолетности и хрупкости красота. *Лови!*

*Мария Мельникова
(Книжное обозрение)*

Содержание

Примечание автора	13
I. НЕВЕСТА, РАДИ КОТОРОЙ МЫ ПЛЯШЕМ	
<i>Одиннадцатый год эры Кансэй. 1799 г.</i>	15
II. ГОРНАЯ КРЕПОСТЬ	
<i>Десятый месяц Одиннадцатого года эры Кансэй</i>	235
III. МАСТЕР ИГРЫ В ГО	
<i>Седьмой месяц Тринадцатого года эры Кансэй. Август 1800 г.</i> ..	411
IV. СЕЗОН ДОЖДЕЙ	
<i>1811 г.</i>	593
V. ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ	
<i>Осень 1817 г.</i>	603
Благодарности	611
Примечания	613

I

НЕВЕСТА,
РАДИ КОТОРОЙ
МЫ ПЛЯШЕМ

Одиннадцатый год эры Кансэй.

1799 г.

I

Дом наложницы Кавасэми, на склоне горы близ Нагасаки

Девятая ночь Пятого месяца

— Барышня Кавасэми? — Орито стоит на коленях на липком
— **Б**вонючем футоне. — Вы меня слышите?

За садом, на рисовом поле, взрывается какофонией лягуша-
чий хор.

Орито промокает влажной тряпкой пот со лба наложницы.

— Она почти все время молчит. — Служанка поднимает по-
выше светильник. — Много часов уже...

— Барышня Кавасэми, моя фамилия — Аибагава. Я акушер-
ка. Я постараюсь вам помочь.

Ресницы Кавасэми вздрагивают. Она открывает глаза и еле
слышно вздыхает. Глаза снова закрываются.

«Она так измучена, — думает Орито. — Даже не боится, что
умрет сегодня».

Доктор Маэно шепчет из-за муслиновой занавески:

— Я хотел сам исследовать предлежание плода, но... — Ста-
рый ученый тщательно подбирает слова. — Как видно, это не
дозволяется.

— Мне дан четкий приказ, — отвечает камергер. — Посторон-
ний мужчина не может ее коснуться.

Орито откидывает промокшую от крови простыню. Как
ей и говорили, вялая ручка младенца торчит наружу до самого
плеча.

— Видели когда-нибудь такое предлежание? — спрашивает
доктор Маэно.

— Видела, на гравюре в голландской книге, которую пере-
водил отец.

— Мои молитвы услышаны! «Наблюдения» Вильяма Смелли?

— Да. Доктор Смелли называет это... — Орито произносит голландский термин, — «пролабирование ручки плода».

Орито сжимает пальцами покрытое слизью крошечное запястье, ищет пульс.

Маэно спрашивает на голландском:

— Ваше мнение?

Пульса нет.

— Младенец мертв, — на том же языке отвечает Орито. — Скоро и мать умрет, если его не извлечь.

Акушерка дотрагивается до раздутого живота Кавасэми, кончиками пальцев ощупывает выпуклость вокруг пупка.

— Это был мальчик. — Она опускается на колени между раздвинутыми ногами роженицы, отмечает узкий таз и обнюхивает выпяченные половые губы, чувствуя солодовый запах свернувшейся крови и экскрементов, но не вонь разложившегося плода. — Умер час-два назад. — Орито спрашивает служанку: — Давно отошли воды?

У служанки язык отнялся от изумления при звуках чужого языка.

— Вчера утром, в час дракона, — с каменным лицом произносит домоправительница. — Вскоре после того у госпожи начались схватки.

— А когда младенец в последний раз брыкался?

— В последний — сегодня, около полудня.

— Доктор Маэно, вы согласны с тем, что перед нами случай... — она употребляет голландский термин, — «поперечного предлежания»?

— Возможно, — отвечает лекарь на том же непонятном для непосвященных языке. — Но без обследования...

— Младенец переносен дней на двадцать, если не больше. Он должен был повернуться.

— Малыш решил отдохнуть, — уверяет госпожу служанка. — Правда, доктор Маэно?

— Возможно... — колеблется честный доктор, — вы и правы...

— Отец сказал, — произносит Орито, — что за родами наблюдал доктор Урагами.

— Наблюдал, — хмыкает Маэно, — из своего уютного кабинета. Когда младенец перестал брыкаться, Урагами объявил, что в силу неких причин, которые открыло ему, великому прорицателю, гаданье, душа ребенка не желает появляться на свет и потому исход родов зависит лишь от духовной силы матери.

Маэно нет нужды уточнять: «Прохиндей боится, как бы его репутация не пострадала, если под его наблюдением ребенок уважаемого человека родится мертвым».

— После этого камергер Томинэ убедил градоправителя обратиться ко мне. Увидев ручку младенца, я сразу вспомнил вашего шотландского врача и потребовал, чтобы вас вызвали на помощь.

— Для нас с отцом ваше доверие — великая честь, — отвечает Орито...

...А про себя думает: «Будь проклят Урагами, не хотел потерять лицо и сгубил человеческую жизнь».

Лягушачий хор вдруг замолкает — словно отдернули звуковой занавес, и стало слышно, как шумит Нагасаки, приветствуя благополучное прибытие голландского корабля.

— Если ребенок мертв, — говорит Маэно по-голландски, — нужно его немедленно извлечь.

— Согласна.

Орито просит домоправительницу принести горячей воды и чистой ткани, нарезанной на полосы. Подсовывает наложнице под нос флакончик нюхательных солей, чтобы хоть на несколько мгновений привести в сознание.

— Барышня Кавасэми, сейчас мы поможем вашему ребенку появиться на свет. Вы позволите мне ощупать вас изнутри?

Тут снова наступают схватки. Ответить наложница не в силах.

Служанки приносят два медных таза с подогретой водой. Схватки ненадолго затихают.

— Нужно честно сказать, что ребенок умер, — по-голландски предлагает доктор Маэно. — Ампутировать ручку и затем вытащить остальное.

— Вначале я хочу определить на ощупь, в какую сторону изогнута спинка плода.

— Если вы можете это сделать, не отрезав ручку, — Маэно имеет в виду ампутацию, — определяйте!

Орито, смазав правую руку рапсовым маслом, обращается к прислужнице:

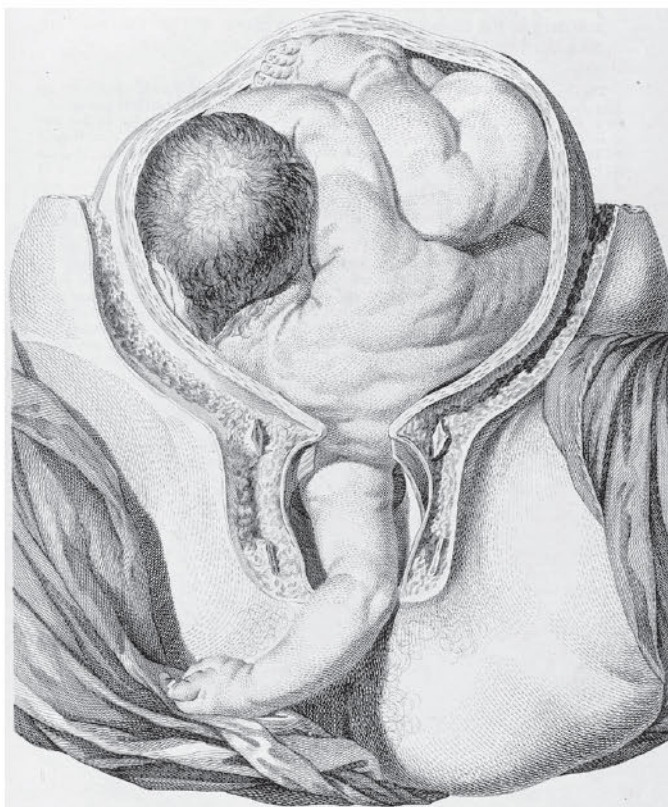
— Сложите полоску ткани в несколько раз... Да, вот так. Приготовьтесь, нужно будет втиснуть эту подушечку между зубов госпожи, иначе она может откусить себе язык. По бокам оставьте свободное место, чтобы она могла дышать. Доктор Маэно, я приступаю к осмотру.

— Вы — мои глаза и уши, барышня Аибагава, — отвечает доктор.

Орито проталкивает пальцы между бицепсом ребенка и разорванными половыми губами матери, погружая руку до запястья во влагалище Кавасэми. Наложница дрожит и стонет.

— Прошу меня простить, — произносит Орито. — Прошу простить...

Пальцы скользят между теплой слизистой, и кожей, и мышцами, еще влажными от околоплодной жидкости. Мысленно акушерка представляет себе гравюру из далекой, просвещенной и варварской Европы...

Если спинка выгнута в обратную сторону, так что голова просунута между лодыжками, словно у китайского акробата, необходимо ампутировать ручку ребенка, а туловище разделить на части зазубренными щипцами и вытащить наружу по кускам. Доктор Смелли предупреждает: если хоть один кусочек останется во чреве, он загниет и роженица может погибнуть. При согнутом же расположении, когда колени прижаты к груди, можно, отпилив ручку, повернуть плод, зацепить крючками за глазницы и вытащить целиком, головою вперед.

Указательный палец акушерки проходится по выступающим позвонкам, продвигается от нижнего ребра до тазовой косточки, нащупывает крохотное ушко, ноздрю, ротик, пуповину и член размером с креветку.

— Согнутое положение, — докладывает Орито, — но пуповина обмоталась вокруг шеи.

— Как вы считаете, пуповину можно высвободить? — Маэно забывает, что нужно говорить по-голландски.

— Надо попробовать. Сейчас дайте ей прикусить ткань, — говорит Орито служанке. — Пожалуйста.

Дождавшись, когда матерчатый комок окажется меж зубов Кавасэми, Орито глубже проталкивает руку, прихватывает большим пальцем пуповину, четырьмя остальными подцепляет снизу подбородок зародыша, запрокидывает ему голову и стягивает пуповину через лобик и макушку. Кавасэми истошно кричит, по руке Орито стекает горячая струйка мочи, но цель достигнута с первой попытки: пуповина высвободилась. Орито вытаскивает руку и отчитывается:

— Пуповина свободна. Уважаемый доктор захватил с собой... — для этого предмета нет японского названия, — щипцы?

— Захватил. — Маэно похлопывает по шкатулке с медицинскими инструментами. — На всякий случай.

— Можно попытаться извлечь ребенка... — Орито переходит на голландский, — без ампутации. Чем меньше крови, тем лучше. Но мне нужна ваша помощь.

Доктор Маэно обращается к камергеру:

— Для спасения жизни барышни я вынужден вопреки приказу господина градоправителя зайти за занавеску вместе с акушеркой.

Камергер Томинэ теряет перед трудным выбором.

— Вы можете обвинить во всем меня, — предлагает Маэно. — Скажете, что я самовольно нарушил приказ.

— Это мне решать, — говорит камергер. — Делайте, что считаете нужным, доктор.

Старик шустро подныривает под занавеску, держа в руках изогнутые щипцы.

При виде чужеземной штуковины служанка испуганно вскрикивает.

— «Форцепс», — коротко произносит доктор и больше ничего не объясняет.

Домоправительница заглядывает за занавеску, приподняв тонкую ткань:

— Не нравится мне это! Пусть чужеземцы режут и кромсают и зовут это «медициной», однако и подумать невозможно...

— Разве я даю советы домоправительнице, — рычит Маэно, — где лучше покупать рыбу?

— Форцепс ничего не режет, — объясняет Орито, — это чтобы ухватить и тянуть. Все равно что пальцы акушерки, только держит крепче... — Она снова пускает в ход нюхательные соли. — Барышня Кавасэми, сейчас я этим инструментом... — поднимает повыше щипцы, — помогу вашему ребенку появиться на свет. Не бойтесь и не сопротивляйтесь. Европейцы постоянно им пользуются, даже когда рожают княгини и королевы. Мы очень мягко и надежно вытащим ребенка.

— Делайте... — Голос Кавасэми охрип и еле слышен. — Делайте...

— Благодарю вас. А когда я попрошу барышню тужиться...

— Тужиться... — Кавасэми так измучена, что ей, кажется, почти уже все равно. — Тужиться...

— Сколько раз, — вновь заглядывает за занавеску Томинэ, — вы применяли этот инструмент?

Орито впервые замечает, что нос у камергера когда-то был сломан и расплюсчен — уродство, хоть и не такое сильное, как ожог на ее собственном лице.

— Применяла часто, и ни одна пациентка не пострадала.

Только Маэно со своей ученицей знают, что «пациентками» были выдолбленные дыни, а младенцами — смазанные маслом

тыковки. Орито вновь пропихивает руку в чрево Кавасэми — в последний раз, если повезет. Акушерка нащупывает горло плода, поворачивает его голову к шейке матки. Пальцы соскальзывают, Орито ухватывает прочнее и еще немного проворачивает мертвое тельце.

— Доктор, прошу вас...

Маэно вводит щипцы по обеим сторонам торчащей наружу крохотной ручки, глубоко, до самого шарнира.

Зрители ахают; с пересохших губ Кавасэми срывается крик.

Орито ощупью пристраивает изогнутые лопасти щипцов по обе стороны мягкого младенческого черепа.

— Сжимайте!

Врач крепко, но бережно смыкает щипцы.

Орито перехватывает рукоятки щипцов левой рукой, ощущая упругое сопротивление — похоже на губку *коньяку*. Ладонью правой охватывает голову ребенка.

Костлявые пальцы доктора сжимают запястье Орито.

— Чего вы ждете? — спрашивает домоправительница.

— Следующих схваток, — отвечает доктор Маэно. — Уже вот-вот...

Кавасэми снова болезненно тяжело дышит.

— Раз и два, — считает Орито. — Кавасэми-сан, *тужьтесь!*

— Тужьтесь, госпожа! — заклиняют служанка с домоправительницей.

Доктор Маэно плавно тянет щипцы на себя. Орито правой рукой подталкивает головку плода к родовому отверстию. Приказывает служанке взяться за ручку и тоже тянуть. Сопротивление усиливается — головка подошла вплотную к родовым путям.

— Раз и два... Давай же!

Сминая клитор, наружу показывается макушка трупика, покрытая спутанными волосиками.

— Вот он! — ахает служанка под непрекращающиеся звериные крики Кавасэми.

Вот показалось личико в разводах слизи...

...а за ним — целиком скользкое безжизненное тельце.

— Ах, но как же... Ах! — вскрикивает служанка. — Ах...

«Она поняла». Орито откладывает в сторону щипцы, поднимает вялое тельце за ножки и шлепает. Она действует по при-

вычке, вколоченной долгим обучением, не надеясь на чудо. После десятого шлепка останавливается. Пульса нет. Орито не чувствует щекой дыхания из ротика и ноздрей. Нет нужды вслух объявлять очевидное. Орито ножом перерезает пуповину ближе к животику, обмывает безжизненного мальчика в тазу и укладывает в колыбельку. «Колыбель вместо гроба, — думает она. — Свивальник вместо савана».

Камергер Томинэ отдает приказы слуге, что ждет снаружи:

— Передай его превосходительству, что сын родился мертвым. Доктор Маэно с акушеркой сделали что могли, но изменить волю судьбы им не под силу...

Теперь Орито заботит, как бы не началась родильная горячка. Нужно извлечь плаценту, обработать промежность отваром целебной травы *якумосо* и остановить кровотечение из разрыва в анусе.

Доктор Маэно отходит за занавеску, чтобы не мешать.

В приоткрывшуюся щель влетает мотылек размером с птицу и шарается Орито прямо в лицо.

Отмахнувшись, она нечаянно задевает щипцы.

Щипцы с грохотом падают в медный таз. Видно, шум напугал пробравшегося в комнату мелкого зверька — тот жалобно скулит.

«Щенок? — удивляется Орито. — Или котенок?»

Загадочный зверек пищит совсем близко. Под футоном?

— Прогони его! — велит служанке домоправительница. — Прогони!

Зверек опять мяучит, и вдруг Орито понимает, что звук доносится из колыбельки.

«Не может быть. — Акушерка гонит прочь надежду. — Не может этого быть...»

Она отгибает край пеленки, и точно в этот миг ротик младенца открывается. Вдох, еще один и еще. Крохотное личико сморщивается...

...и ярко-розовый новорожденный деспот приветствует Жизнь сердитым воплем.

II

Каюта капитана Лейси на корабле «Шенандоа», на якорной стоянке в гавани Нагасаки

Вечер 20 июля 1799 г.

— **А** как еще, — гневно спрашивает Даниэль Сниткер, — добиться достойную оплату за каждодневные унижения, которые мы терпим от этих узкоглазых кровососов? У испанцев есть присказка: «Слуга, не получающий платы, вправе сам ее взять», — и, по-моему, в кои-то веки испанцы правы, черт побери! Откуда такая уверенность, что через пять лет компания еще будет существовать и выплатит нам жалованье? Амстердам поставили на колени; наши верфи простаивают; наши мануфактуры бездействуют; наши житницы разграблены; Гаага — балаган с пляшущими марионетками, и Париж дергает их за ниточки; у наших границ хохочут прусские шакалы и воют австрийские волки; и разрази меня Иисусе, после веселой перестрелки при Кампердауне мы — страна мореплавателей *без флота*. Англичане, глазом не моргнув, захватили Кейп-Код, Коромандел и Цейлон; дураку ясно, следующая жирная гусыня им к Рождеству — Ява! Без таких, как этот янки, — скривившись, он кивает на капитана Лейси, — Батавия давно бы с голоду подохла! В такие времена, Ворстенбос, у человека одна гарантия — товары в пакетах, которые можно с выгодой продать. Вы-то сами не за тем же разве сюда явились?

Под потолком качается и шипит старенький фонарь, заправленный китовым жиром.

— Это и есть ваше последнее слово? — спрашивает Ворстенбос.

Даниэль Сниткер скрещивает руки на груди:

— Плевал я на ваш поганый суд!

Капитан Лейси оглашает каюту титанической отрыжкой.

— Это чеснок, джентльмены...

Ворстенбос оборачивается к писарю:

— Запишите решение суда...

Якоб де Зут, кивнув, обмакивает перо в чернильницу:

— Постановление военно-полевого суда...

— Сего дня, двадцатого июля тысяча семьсот девяносто девятого года, я, Унико Ворстенбос, вновь назначенный управляющий торговой факторией Дэдзима в Нагасаки, властью, данной мне его превосходительством П. Г. ван Оверстратеном, генерал-губернатором Голландской Ост-Индии, в присутствии капитана Ансельма Лейси, командующего кораблем «Шенандоа», нахожу Даниэля Сниткера, исполняющего обязанности управляющего вышеуказанной факторией, виновным в следующих преступлениях: злостное пренебрежение своими обязанностями...

— Я свои должностные обязанности выполнял! — возмущается Сниткер. — Все до единой!

— Выполняли? — Ворстенбос дает Якобу знак пока не записывать. — Наши пакгаузы сгорели дотла, пока вы, сэр, кувыркались в борделе с девками! Этому факту, сэр, почему-то не нашлось места в той мешанине лжи, которую вам угодно называть «Книгой записей», и если бы переводчик-японец случайно не обмолвился...

— Вонючие крысы! Я их штучки насквозь вижу, а они и рады подсуесться со своими наветами!

— А то, что в ночь пожара на Дэдзиме не оказалось пожарного насоса, — это тоже «навет»?

— Быть может, подзащитный прихватил с собой насос в «Дом глициний», — замечает капитан Лейси. — Чтобы поразить тамошних дам толщиной своего шланга.

— Насос — на ответственности ван Клефа, — возражает Сниткер.

— Я передам вашему заместителю, как истово вы его защищали. Господин де Зут, переходим к следующему пункту: «Отсутствие подписей трех высших должностных лиц фактории на сопроводительных документах „Октавии“...»

— Господи боже! Всего лишь мелкое административное упущение!

— Это «упущение» дает нечистоплотным сотрудникам сотню возможностей для мошенничества. Именно поэтому в руководстве компании настаивают на тройной подписи. Далее: «Кража фондов компании с целью покупки частного груза...»

— А вот это, — Сниткер брызжет слюной от злости, — это уже откровенное вранье!

Ворстенбос достает из лежащего у его ног коврового саквояжа две фарфоровые статуэтки в восточном стиле. Одна изображает палача с занесенным топором, вторая — коленопреклоненного узника со связанными руками и взором, уже обращенным в мир иной.

— Что вы мне тут показываете безделушки какие-то? — нимало не смущается Сниткер.

— Среди ваших частных грузов были обнаружены два гросса таких статуэток. Занесите в протокол: «двадцать четыре дюжины статуэток из фарфора Арита». Я в этом немного разбираюсь; моя покойная жена увлекалась японскими диковинками. Капитан Лейси, окажите любезность: оцените их стоимость, скажем, на аукционе в Вене.

Капитан Лейси проделывает мысленные подсчеты.

— Двадцать гульденов за штуку?

— Только за эти мелкие — по тридцать пять гульденов. За те, что с позолотой, статуэтки фрейлин, вельмож и лучников — по пятьдесят. Сколько же будет за два гросса? Возьмем по минимуму — все же в Европе война, рынки расстроены... Тридцать пять умножить на два гросса... Де Зут?

У Якоба счеты под рукой.

— Десять тысяч восемьдесят гульденов, сэр.

— Ого! — восклицает пораженный Лейси.

— Неплохая прибыль, — соглашается Ворстенбос, — за товар, купленный на деньги компании, однако внесенный в сопроводительные документы — без подписи свидетелей, разумеется, — как личная собственность прежнего управляющего. Вашей рукой, Сниткер.

— Прежний управляющий, упокой, Господи, его душу, — Сниткер мгновенно меняет свои показания, — завещал их мне в присутствии представителей суда.

— Значит, господин Хеммей предвидел свою кончину на обратном пути из Эдо?

— Гейсберт Хеммей был на редкость предусмотрительным человеком.

— И вы нам покажете его на редкость предусмотрительное завещание?

— Документ... — Сниткер проводит рукой по губам, — сгорел при пожаре.

— А свидетели кто? Господин ван Клеф? Фишер? Ваша ручная обезьяна?

Сниткер досадливо вздыхает.

— Что за ребячество! Пустая трата времени. Ладно, можете откромсать свою десятину, но ни на йоту больше, не то, Богом клянусь, я эти чертовы штуковины утоплю в заливе!

Со стороны Нагасаки доносится шум веселья.

Капитан Лейси громко сморкается в капустный лист.

Почти совсем стершееся перо в руке Якоба цепляется за бумагу; руку сводит от усталости.

— Не понимаю... — Ворстенбос озадачен. — Что за десятина такая? Господин де Зут, может, вы меня просветите?

— Господин Сниткер пытается предложить вам взятку, миснеер.

Фонарь под потолком качается, шипит и чадит; потом пламя вновь разгорается ровным светом.

На нижней палубе матрос настраивает скрипку.

— Вы полагаете, моя честность — продажная? — Ворстенбос моргает, глядя на Сниткера. — Как какой-нибудь гнилой начальник порта на Шельде, донимающий незаконными поборами баржи с грузом сливочного масла?

— Ну, одну девятую тогда, — рычит Сниткер. — Клянусь, больше не предложу!

— Добавьте в список обвинений: «Попытка подкупить ревизора». — Ворстенбос щелкает пальцами, обернувшись к секретарю. — И перейдем к окончательному решению. Сниткер, обратите сюда свой взор, это вас непосредственно касается. «Пункт первый: начиная с сего числа Даниэль Сниткер освобождается от занимаемой должности и с него взимается всё — да, всё — полученное жалованье, начиная с тысяча семьсот девяносто седь-

мого года. Пункт второй: по прибытии в Батавию Даниэля Сниткера заключить под стражу в Старом Форте; пусть ответит за свои деяния. Пункт третий: его частный груз будет продан с аукциона, полученная сумма пойдет в уплату убытков, причиненных Компании». Вижу, мне удалось завладеть вашим вниманием.

— Вы... — Сниткер уже не хорохорится. — Вы меня по миру пустите!

— Пусть суд над вами послужит примером каждому начальнику фактории, который наживается за счет Компании. «Правосудие настигло Даниэля Сниткера — настигнет и вас» — так скажет им сегодняшней приговор. Капитан Лейси, благодарю за ваше участие в этой плачевной истории. Господин Вискерке, будьте так любезны, выделите господину Сниткеру подвесную койку на баке. Пусть отрабатывает свой проезд на Яву наравне с другими матросами. К тому же...

Сниткер, опрокинув стол, бросается на Ворстенбоса. Якоб тщится перехватить занесенный над головой начальника кулак; перед глазами его вспыхивают огненные павлины; стены каюты вращаются; пол ударяет по ребрам, а во рту привкус оружейного металла — наверняка кровь. Где-то вверху раздаются хриплые стоны и хеканье. Якоб успевает заметить, как первый помощник обрушивается на Сниткера сокрушительный удар под дых. Писарь невольно сочувственно вздрагивает, валяясь на полу. В дверь врываются еще два моряка, и в этот самый миг Сниткер, пошатнувшись, падает.

Скрипач на нижней палубе играет «Темноглазую красотку из Твенте».

Капитан Лейси наливает себе виски, настоящий на черной смородине.

Ворстенбос бьет Сниткера по лицу тростью с серебряным набалдашником, пока не устает рука.

— Заковать этого рукоблуда в кандалы и поместить в самый вонючий угол кубрика!

Первый помощник с двумя матросами уволакивают стонущее тело. Ворстенбос, опустившись возле Якоба на колени, хлопает того по плечу:

— Спасибо, что приняли на себя удар, мой мальчик! Боюсь, нос вам расквасили знатно...

Боль такая, словно нос сломан, однако руки и колени липкие не от крови. Чернила, догадывается писарь, с трудом принимая сидячее положение.

Чернильница треснула, от нее разбегаются ярко-синие ручейки и речушки...

Чернильные струйки просачиваются в щели, впитываются в пересохшую древесину...

«Чернила, — думает Якоб, — самая плодотворящая из жидкостей...»

III

На сампане, пришвартованном возле судна «Шенандоа» в гавани Нагасаки

Утро 26 июля 1799 г.

Без шляпы, изнемогая от жары в своем синем парадном виц-мундире, Якоб де Зут мыслями погрузился в прошлое — в тот день, десять месяцев назад, когда разъяренное Северное море кидалось на дамбу в Домбурге и ветер гнал мелкую водяную пыль по Церковной улице, мимо домика священника, где дядюшка торжественно вручал Якобу клеенчатую сумку. В сумке лежала Псалтирь в потертом переплете из оленьей кожи. Якоб и сейчас может по памяти повторить дядюшкину речь почти слово в слово.

— Небу известно, племянник, сколько раз ты уже слышал историю этой книги. Когда твой прапрадед был в Венеции, нагрянула чума. Он весь покрылся язвами размером с лягушку, но непрестанно молился вот по этому сборнику псалмов, и Господь излечил его. Пятьдесят лет назад твой прадедушка Тис воевал в Пфальце. Их полк попал в засаду. Пуля, летевшая в сердце твоего прадеда, застряла в обложке. — Дядюшка тронул свинцовую пулю, прочно вмятую в переплет. — Этой книге и я, и твой отец, и ты, и Гертье в буквальном смысле обязаны тем, что живем на свете. Мы не паписты, мы не приписываем чудесных свойств гнутым гвоздям и старым тряпкам, но ты понимаешь — эта священная книга связана с жизнью нашего рода. Она подарена тебе предками и взята тобой взаймы у потомков. Что бы ни принесли тебе грядущие годы, помни: эта Псалтирь... — Он коснулся клеенчатой сумки. — Это твой пропуск домой. Псалмы Давида — Библия внутри Библии. Молись по ним, внимай им, учись у них,

тогда не собьешься с верного пути. Защищай их даже ценой своей жизни, и пусть они питают твою душу. А теперь ступай, Якоб. Господь с тобой!

— «Защищай их даже ценой жизни», — шепчет Якоб себе под нос...

...«В этом-то все и дело», — думает про себя.

Десять дней назад корабль «Шенандоа» бросил якорь у скалы Папенбург — названной так в память о мучениках истинной веры, сброшенных с высоты в море. Капитан Лейси приказал сложить все предметы христианской веры в бочку, накрепко забить и сдать японским властям — все вернут, когда бриг будет отплывать из Японии. Исключений не делают ни для кого, даже для нового управляющего факторией Ворстенбоса и его подопечного-писца. Матросы ворчали, что скорее расстанутся со своими детородными органами, чем с распятием, но когда на борт поднялись инспектора-японцы в сопровождении вооруженной охраны, все распятия и образки Святого Христофора мигом скрылись в заранее заготовленные тайники. Бочку наполнили четками и молитвенниками, которые капитан Лейси привез с собой специально для этой цели; Псалтирь де Зута не была в их числе.

«Как бы я мог предать своего дядю, — мрачно размышляет писарь, — свою церковь и своего Господа?»

Псалтирь запрятана меж другими книгами в сундуке, а на сундуке сидит де Зут.

«Вряд ли риск так уж велик», — уговаривает он сам себя. В книге нет ни пометок, ни иллюстраций, указывающих на то, что это христианский текст, а переводчики наверняка плохо знают голландский, где им разобрать архаичный библейский язык. «Я — служащий Объединенной Ост-Индской компании. Что могут японцы мне сделать?»

Ответа Якоб не знает, и, честно говоря, ему страшно.

Проходит четверть часа; о Ворстенбосе и его двух слугах-малайцах ни слуху ни духу.

Бледная веснушчатая кожа Якоба поджаривается, словно бекон на сковородке.

Над водой проносится летучая рыба, стрижет плавниками.

— *Тобио!* — кричит один гребец другому, показывая пальцем. — *Тобио!*

Якоб повторяет это слово, и оба гребца хохочут так, что лодка раскачивается.

Пассажир не возмущается. Он молча рассматривает кружащие вокруг «Шенандоа» сторожевые лодки; рыбацьи суденышки; жмущийся к берегу японский торговый корабль, крутобокий, как португальский галеон, только еще более пузатый; увеселительную барку знати, увешанную занавесями в черно-голубых цветах княжеского рода, в сопровождении лодок с прислужниками; и остроносую джонку, совсем как у китайских торговцев в Батавии...

Город Нагасаки, придавленный подошвами гор, словно сочится из-под пальцев дощатой серостью и бурыми земляными оттенками. От бухты тянет водорослями, отбросами и дымом бесчисленных труб. По горным склонам до самых зубчатых вершин ступеньками поднимаются рисовые поля.

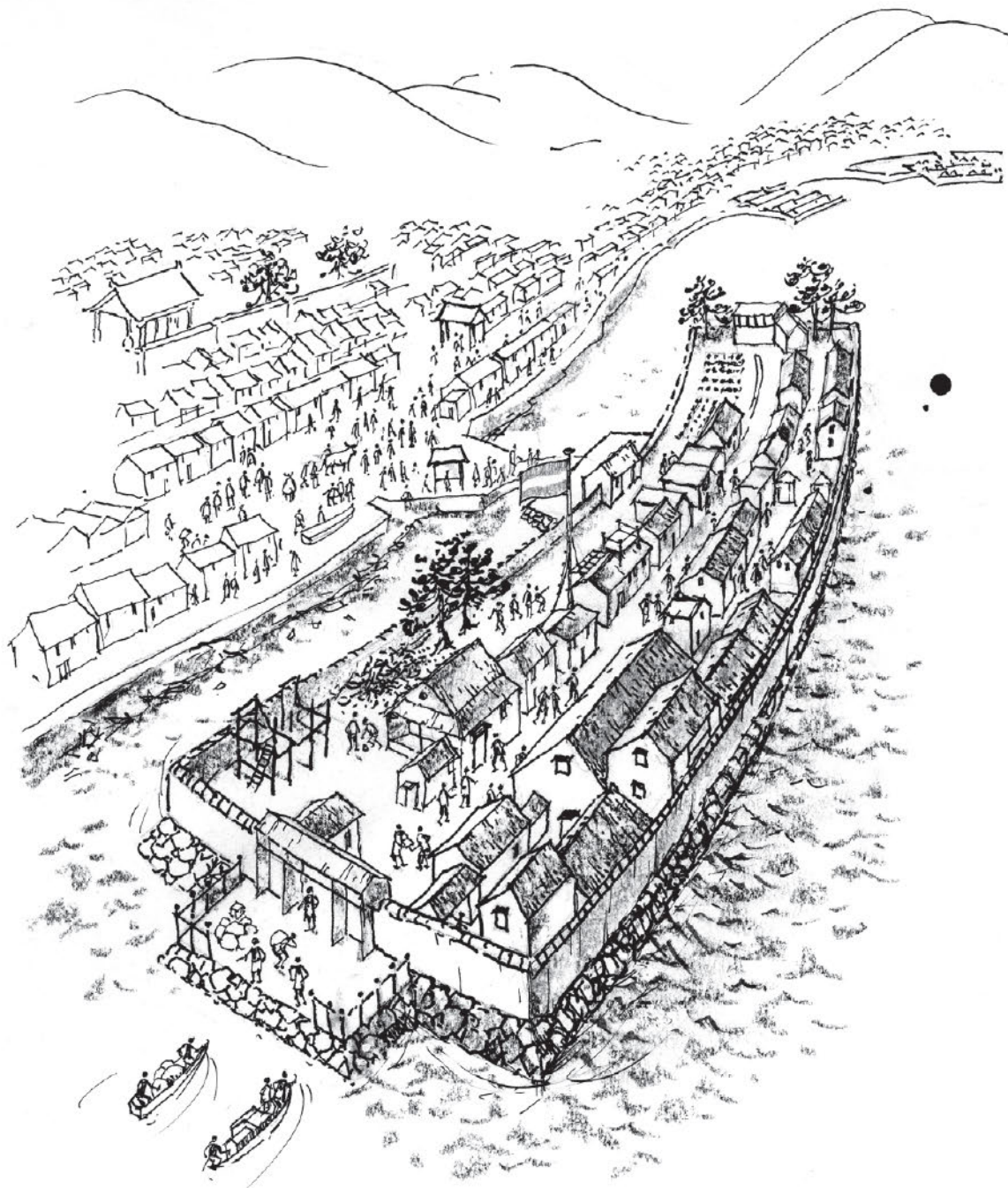
«Безумец мог бы представить, что находится внутри надтреснутой нефритовой чаши», — думает Якоб.

Перед ним раскинулся его будущий дом: Дэдзима, обнесенный высокими стенами искусственный остров в форме веера, примерно двести шагов по внешней дуге, восемьдесят шагов в глубину. Остров образован из насыпей, как и большая часть Амстердама. За прошедшую неделю, рисуя наброски фактории с фок-мачты «Шенандоа», Якоб насчитал около двадцати пяти крыш: перенумерованные пакгаузы японских купцов; жилища капитана и управляющего; дом помощника управляющего с Дозорной башней на крыше; Гильдия переводчиков; больничка. Из четырех голландских пакгаузов — Рус, Лели, Дорн и Эйк — только последние два пережили, как выразился Ворстенбос, «Сниткерровский пожар». Лели сейчас отстраивают заново, а выгоревший до тла Рус подождет, пока фактория хоть чуть-чуть не расквитается с долгами. Сухопутные ворота связывают Дэдзиму с городом Нагасаки — одним пролетом каменного моста через ров с жидкой грязью, который заполняется водой во время прилива. Морские ворота открываются только в торговый сезон; здесь разгружают сампаны Объединенной Ост-Индской компании. Рядом — здание таможни, где всех голландцев, кроме капитана и управляющего, обыскивают, проверяя, нет ли у них запрещенных предметов.

«И во главе списка — предметы христианской веры», — думает Якоб.

Вернувшись к наброску, он углем заштриховывает морские волны.

Гребцы с любопытством вытягивают шеи; Якоб показывает им рисунок.

Старший из гребцов корчит рожу, как бы говоря: неплохо.

Оклик с дозорной лодки вспугнул гребцов; оба стремительно возвращаются на свои места.